

Ирина Каюкова

ЖДИ МЕНЯ, ПАРИЖ!

Повесть о школьниках

Ирина Каюкова
Жди меня, Париж!

«Издательские решения»

Каюкова И.

Жди меня, Париж! / И. Каюкова — «Издательские решения»,

В школе переполох! Приехала делегация из Парижа! Как общаться, если с французским языком у тебя туговато и к тому же ты влюбился в настоящую француженку? Между тем одноклассники очень продвинутые. Конкуренты, одним словом. Андрей, Лена и Стас описывают события каждый со своей мельницы, со своим юмором.

© Каюкова И.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Андрей	6
Сногшибательная новость	6
Первый день	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Жди меня, Париж!
Повесть о школьниках
Ирина Каюкова

© Ирина Каюкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Андрей

Сногшибательная новость

Меня зовут Ошер. Это теперь в классе меня так зовут. Странное имя, да? Реально я Андрей. Нормальный ученик 7-го класса. Такое прозвище я получил месяца три назад. Хотите узнать, почему?

Родители меня «поступили» во французскую спецшколу. Точнее, в школу с изучением ряда предметов на французском языке. Они сказали: «Лучше быть троечником среди вундеркиндов, чем отличником среди тупиц!». Да-да, так и сказали. И вот теперь у меня каждый день урок французского языка, французская литература и литература на французском, история и обычаи Франции и другое. Как я и ожидал, язык мне не очень давался. Математика и физкультура – другое дело, там я получал твердые четверки. А французский тянул на тройки из четверти в четверть. Выпускники нашей школы успешно поступали в институт иностранных языков, портреты некоторых даже висели на доске почета в школьном вестибюле. Это те, кто поступил аж в МГИМО – Московский государственный институт международных отношений. Вот уж куда меня точно не занесёт никакими ветрами и никакими деньгами. Я действительно не понимал, на кой шут мне этот язык сдался.

Я ходил на волейбол, читал фантастику и был троечником среди вундеркиндов. Я не понимал, зачем французам эта куча времён и вспомогательных глаголов. Например, у них три прошедших времени, три будущих времени. Будущее, будущее простое, будущее составное. Слабо понять, когда какое настанет будущее? Когда простое, а когда сложное? Мне было слабо. Для меня будущее было только одно – туманное. Так я и жил себе в тумане неизвестности, довольно спокойно жил. Как вдруг однажды...

Однажды наша учительница французского Татьяна Леопольдовна вошла, нет – влетела в класс, сияя, как новый спортивный кубок.

– Ребята, – воскликнула она, – у меня потрясающая новость! К нам приедет по обмену группа ребят из частного парижского лицея.

– Ах! Ох! Когда? Как? – Это наши девчонки попадали от восторга со стульев. Париж. Лямур. Тужур Ах! Ах!

– Мы сейчас с директором и завучами разрабатываем программу приема лицеистов, – продолжала Татьяна Леопольдовна. – И каждому из вас будет отведена своя роль. Каждый, я повторяю, каждый получит уникальную возможность пообщаться с носителями языка великого Мольера, Мериме и Гюго.

И с этого дня понеслось. Началась лихорадочная подготовка к приему французских детей. Я не говорю о том, как драили каждый, даже самый удаленный, закуток нашей школы, как в пожарном порядке меняли мебель и залатанный линолеум в некоторых классах, как стирали ламбрекены на окна и освежали портреты французских классиков. Тут подключили родительские комитеты. Я имею в виду репетиции стихов и песен на французском языке. Почти каждый день наша классная Римма Александровна отлавливала мальчишек по окончании последнего урока и отправляла в актовЫй зал. Девочки, понятно, шли туда добровольно. Там она нас отдавала в цепкие музыкальные пальцы Полины Эрнестовны. И мы пели Марсельезу – «Вставайте, дети отчизны», потому как день славы наступил. И песню Джо Дассена «Ошан зеллизе». Не про магазин АШАН, а про Елисейские поля – центральный бульвар в Париже. Пели – это мягко сказано. Кто-то пел, кто-то мычал. Лично я старательно открывал свою варежку, потому что текста не знал. Наша Леопольдовна решила, что мы непременно

должны участвовать в концерте для заграничных гостей. Наш класс готовил сценку из мюзикла по роману Виктора Гюго, некоторые учили басни Лафонтена по ролям.

Мало того, учителя придумали, что мы должны провести пешую экскурсию по центру нашего города на французском языке. Мол, будем гулять, фотографироваться и рассказывать о достопримечательностях французским школьникам, общаясь по ходу экскурсии. Всем ребятам нашего класса раздали листочки с текстом о фонтанах, об историко-художественном музее, о театре, о памятнике Шиллеру, о библиотеках города.

На меня Леопольдовна посмотрела задумчиво.

– Может, не надо? – спросил я умоляюще.

– Надо, Андрей, обязательно надо. Ты будешь произносить приветственную речь. Очень коротенькую, минуты на две. Я тебе напечатаю. Ты выучишь и будешь мне рассказывать на уроке каждый день, пока они не приедут.

Всё... Моё туманное будущее определилось. Оно стало определенно мучительным и сложным.

На другой день учительница, как и обещала, выдала мне листочек с моей приветственной речью. Велела письменно перевести её и учить наизусть перед зеркалом, радостно улыбаясь. Я целый вечер переводил речь по словарям, поскольку компьютерный переводчик выдавал мне какую-то галиматью. ШЕР ЗАМИ, НУ СОМ ТРЕЗЕРЕ ДЕ ВУАР ДАН НОТРЕ ЭКОЛЬ. То есть: «Дорогие друзья, мы очень счастливы видеть вас в нашей школе». И далее – о том, какая у нас замечательная школа с бассейном и библиотекой, в которой есть много книг на французском языке (вот интересно, кто их добровольно читает), с компьютерными классами, какие у нас дружные ребята и замечательные учителя (кому как), и как нам нравится изучать французский язык (это вообще с большой натяжкой). Короче, БЬЕН ВЕНЮ. Добро пожаловать.

Леопольдовна в целом одобрила мой перевод и пообещала поставить за четверть «четыре», если хорошо выучу текст. И вот я стал учить и всем рассказывать это бьенвеню. Мама сначала меня слушала внимательно, но на двадцатый раз сказала, что я могу учить речь самостоятельно. Папа скис быстрее. Надо заметить, что мои родители изучали в школе английский язык и ничем мне помочь не могли, так как слышали набор непонятных звуков. Я стал рассказывать перед зеркалом своему лохматому отражению, стараясь гостеприимно улыбаться. Эти экзерсисы у меня вызвали припадки смеха, и тогда я позвал своего одноклассника Тольку. Толька очень серьезно взялся мне помогать. Я даже не ожидал от него такой педагогической прыти. Он решил мне поставить французский прононс. То есть произношение. Мы стали подражать певцам, слушая французские песни, и репетировать грассирующий звук «р». У меня ничего не получалось. Толя заставлял меня набирать в рот воды и полоскать горло, потом я пробовал полоскать горло без воды. Все напрасно. Мое «р» не трепетало, как учила нас Леопольдовна. Довольно помучавшись, мы оставили звук «р» в покое и перешли к носовым звукам. Известно, что французы слегка гнусавят. То ли у них нос устроен как-то особенно, то ли их предки страдали хроническим насморком, но так и не смогли его вылечить. Неважно. Толя предложил мне произносить приветствие, зажав нос пальцами: тогда мой французский прононс получился сносным. Но я же не мог выступать перед гостями, держа себя за нос!

– А у тебя нет аллергии на что-нибудь? – вдруг ни с того ни с сего спросил мой одноклассник.

– Нет, а что? – удивился я.

– А то, понюхал бы свой аллерген, собачку там или цветок какой, нос бы и заложило, – с сожалением ответил Толька...

– А может, попробуешь, понюхаешь что-нибудь, – не унимался он.

– Ну, давай попробуем, – согласился я. Мы пошли в ванную комнату, и я стал нюхать все подряд пузырьки и баночки с мамиными духами и кремами, шампуни и гели для душа. Чихнул пару раз, но нос не заложило.

– Пойдем в комнату, засунешь голову под диван и вдохнешь пыль!

– Ты что, совсем чокнулся?! – возмутился я.

– Нет. Просто бывает непереносимость домашней пыли.

Я согласился и полез под диван. Прочихавшись, я убедился, что на домашнюю пыль у меня, к сожалению, тоже нет аллергии. Только задумался.

– Айда ко мне, – сказал он решительно, – будешь нюхать нашего кота Барона. Может быть, ты не переносишь шерсть животных. У вас же их нет.

Мы пошли в прихожую надевать куртки.

– Куда вы, а уроки? – остановила нас мама перед самой дверью.

– А мы как раз насчет уроков к Толе сбегает, и я сразу вернусь! – на ходу соврал я. Не мог же я сказать, что иду нюхать кота.

– Хорошо, – кивнула мама и вернулась на кухню.

Мой товарищ жил неподалеку. Проверка на кошачий аллерген чуть не стоила мне глаза. Барон был явно не в духе. И когда я приблизил к нему свой нос, то еле успел увернуться от его лапы. Кот не привык, наверное, чтобы его люди нюхали. Обычно было всё наоборот. Только поймал своего пушистого друга и стал чесать его за ухом. А вот это коту понравилось, и я спокойно понюхал его спину. Ну, ничего. Никакого заложенного носа.

– Должна же быть у тебя на что-то аллергия. Сейчас у всех нормальных людей есть непереносимость чего-нибудь, – не унимался мой одноклассник. – Я, например, на апельсины и мандарины чешусь.

– А я – на химичку нашу. Но нюхать я её не буду. Да и не поможет, думаю, – ответил я с досадой. – Только, отстань ты от меня со своим прононсом.

Итак, мы оставили в покое моё произношение, и я стал просто зубрить текст, без выпендрёжа. Через неделю я мог рассказать текст хорошо, даже очень. Леопольдовна была мной довольна, только просила добавить чувств, душевности, так сказать. Приветственная речь уже отскакивала у меня от зубов... «Шер зами, ну сом трезере де ву вуар дан нотр еколь!» мог бы я протарахтеть, даже если бы меня разбудили посреди ночи.

Первый день

Наконец, этот день настал. «Лежур де глюар етаривэ» – «День славы наступил», как мы пели в Марсельезе. Делегация прибыла в наш город, и завтра утром мы должны были принять её в стенах школы. Накануне я сходил в парикмахерскую и состриг с висков лохмотья. Мама купила мне новые чёрные замшевые туфли. Утром я надел накрахмаленную белую рубашку, чёрный костюм-тройку, который видел белый свет исключительно в дни торжественных линеек и олимпиад. Подушился отцовским «Хуго Босс». И надел его же галстук, серый в чёрную крапинку итальянской фирмы. Галстук нацепить меня уговорила мама: «Он так подходит к твоим серым глазам...» Я бы ни за что не поверил, если бы кто-то сказал мне, что я выряджусь таким мальчиком-мажором. Но именно чистоплюйный мажор смотрел на меня из трюмо. Тьфу три раза...

– Какой ты у меня чудесный! – умилилась мама и чмокнула меня в макушку на прощанье.

И вот в школьном фойе висят шары и плакаты со словами «Добро пожаловать» на двух языках. Из динамиков звучит музыка оркестра Поля Мориа. Цветы, нарядные ученики и учителя. К школе подъехал белый лакированный автобус с тонированными окнами.

Двери открылись, из автобуса стали выходить французы. Лично я обалдел от такого сюрприза. ТАМ БЫЛИ ОДНИ ДЕВЧОНКИ! Куча гнусавых девчонок в голубых юбках и пиджачках. Поверх которых выложены белые кружевные воротнички. И вот это бело-голубое облако вытекало из автобуса на школьный двор, смеясь и о чем-то непрерывно мурлыкая. Ни одного парня! Все захлопали в ладоши и закричали: «Бонжур! Салю!» Как и было задумано.

Я думаю, учителя знали, что лицей женский. Они специально нас держали в неведении, чтобы не охладить пыл подготовки. У парней – на сто процентов. Я посмотрел на Тольку и других ребят. Они тоже держали челюсти, дабы не уронить на асфальт. Вот это финт. Я, конечно,

слабак во французском, но тоже хотел подойти к какому-нибудь французу, хлопнуть дружески его по плечу и сказать непринужденно: «Салют, камарад, пратик тю ле спорт?» То есть, «занимаешься ли ты спортом, товарищ?» Спорт – он понятен на всех языках. И такой облом.

Пока я приходил в себя, директор произнесла короткую речь и пригласила гостей пройти в школу. Мы отправились по своим кабинетам. Каждому классу нашей параллели досталось по десять французенок. Когда все расселись за парты, Леопольдовна пригласила меня к доске. Она улыбалась и сияла неимоверно, в навверняка новом темно-синем платье (лично я его видел первый раз) с бирюзовой брошью. А на голове у неё была высокая прича, смахивающая на известную башню. Я вышел к доске.

Широко улыбнулся и бодро начал:

– О! ШЕРЗАМИ, НУ СОМ ТРЕЗЕРЕ ДЕ ВУ ВУАР... – и тут – конец... Тут я взглядом наткнулся на бархатных черных бабочек, ИЗ-ПОД КОТОРЫХ НА МЕНЯ СМОТРЕЛИ КАРИЕ ГЛАЗА, И СМЕЯЛИСЬ. Она сидела за второй партой, с Ленкой.

– О! ШЕРЗАМИ, НУ СОМ ТРЕЗЕРЕ ДЕ ВУ ВУАР... – начал я опять свою речь. И дальше забыл все напрочь, абсолютно, то есть совершенно...

– Ничего! Ничего, – засуетилась возле меня Леопольдовна, – не волнуйся, Андрюша. Я понимаю, момент очень волнительный, но ты справишься.

– О! ШЕРЗАМИ... – начал я в третий раз... и споткнулся опять. Тряхнул головой, – НУ СОМ ТРЕЗЕРЕ. Мы очень счастливы... А сам пялюсь во все глаза на этих бархатных бабочек, устремленных на меня.

– Не волнуйся, Андрей, – слышу как будто издали голос Леопольдовны. Да я ни капельки не волнуюсь!

– НУ СОМ ТРЕЗЕРЕ...

Самое смешное, что в этот момент я был действительно счастлив видеть её в нашем классе.

Когда я в шестой раз начал повторять своё «Ошерзами ну сом трезере», в классе заржали и наши, и гости. Леопольдовна подтолкнула меня к парте: «Садись, Андрей!» И сама сказала мою речь.

Потом начался урок французской литературы. На каждой парте лежал томик Виктора Гюго. Мы по очереди стали читать отрывок из «Человека, который смеялся». Три предложения читал наш ученик или ученица, три-четыре предложения читала французская лицеистка. Мы должны были следить за произношением. Наши старались вовсю. Особенно девочки: грассировали, гнусавили. Интересно, что французенки не гнусавили так, как нас учила Леопольдовна. По крайней мере, не все. У той девочки с бархатными ресницами был удивительно чистый и нежный голос. Когда дошла очередь до меня, я уже очухался и вполне сносно прочитал свой отрывок. В одном слове даже удачно рыкнул. Я сидел на предпоследней парте и не видел её. Но знал, что она в классе и слышит меня. И это было замечательно.

Затем у нас был урок технологии. Девочки вместе с гостями пошли изучать кройку и шитье. Ну конечно, с парижанками обязательно надо о моде поговорить. А мы пошли в мастерскую, где обычно сверлили отверстия в заготовках. Но по просьбе классного руководителя и в виду того, что мы были одеты слишком нарядно, трудовик нам показал учебный фильм.

После этого урока была большая перемена, завтрак – и я понёсся в столовку наперегонки с другими учениками. Наши девчонки уже сидели за столами и пили какао с булочками, за соседними столиками завтракали наши гости. Увидев меня, они замахали руками: «О шерзами, ошерзам!» и стали смеяться. Я тоже помахал рукой и пошел к буфету за булкой.

В связи с приездом делегации мы не учились по шесть-семь уроков, как в обычные дни. Наши вечерние мероприятия считались тоже уроками. Посему после завтрака нас отпустили по домам переодеться и вернуться на экскурсию по городу.

– Ну, как твоя речь? – спросила меня мама, как только я появился на пороге нашей квартиры.

– Нормально... – ответил я, снимая куртку.

– Поделись впечатлениями. Есть будешь?

– Все потом, потом. Пожалуйста! Мне переодеться и на экскурсию надо.

Я сейчас больше всего хотел остаться один в своей комнате и подумать о ТОЙ девочке с бархатными ресницами и каштановой челкой. Интересно, как её зовут? Какие там французские имена. Все позабывал. Наверняка, что-нибудь особенное. Но в голове вертелась только Эсмеральда из Виктора Гюго. Ну нет, не может быть Эсмеральда. Это слишком. Надо спросить: «Как тебя зовут?» Где моя тетрадь. Господи, ведь это так просто. Программа первого класса. Двоечник несчастный. Посмотрю в словаре. Вот, нашёл. «Ты», «тебя», «как тебя зовут». «Коман тапэль тю?» Где мои джинсы? «Коман тапэль тю...» Где носки белые... Мама, где мои носки новые? А, вот... Коман тапэль тю... Футболка, нет не эта... Вот эта пойдет... Коман тапэль тю... запомнил, лошара?! Надо как-то реабилитироваться. Опозорился при всех, при ней особенно.

Вы поняли, какой винегрет крутился у меня в голове, пока я собирался на экскурсию. Я думал, чем бы мне приятно удивить гостей. Неприятно я уже всех удивил сегодня. Даже себя. Тут мне на глаза попала доска для скейта. Я решил её взять с собой. Экскурсия ведь пешеходная. Я сумею показать ей парочку олли и может быть, даже ноузслайд. Уж в этом-то я мастер. Это и без перевода понятно.

Мы вновь собрались на школьном дворе. Лицеистки были уже в джинсах, куртках, ветровках, с разноцветными шарфами на шеях. Стали совсем похожи на нас. Но у каждой на курточке красовался значок лица. Наши и француженки уже перемешались и о чём-то болтали. Когда я подошел к ним, опять кто-то воскликнул: «О шерзами!», и все засмеялись. Я тоже засмеялся. Потом вскочил на скейт, сделал круг и пару кикфлипов, проехал по бордюру. Девочки захопали. Когда я остановился, она сама подошла ко мне. Протянула руку и сказала: «Аннет». Я пожал её руку и ответил: «Андрей». Аннет отстегнула свой значок и приколола мне на ветровку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.